

Брэдбери Рэй

Ржавчина

Рэй БРЭДБЕРИ

РЖАВЧИНА

- Садитесь, молодой человек, - сказал полковник.

- Благодарю вас, - вошедший сел.

- Я слышал о вас кое-что, - заговорил дружеским тоном полковник. - В сущности, ничего особенного. Говорят, что вы нервничаете и что вам ничего не удается. Я слышу это уже несколько месяцев и теперь решил поговорить с вами. Я думал также о том, не захочется ли вам переменить место службы. Может быть, вы хотите уехать за море и служить в каком-нибудь дальнем военном округе? Не надоело ли вам работать в канцелярии? Может быть, вам хочется на фронт?

- Кажется нет, - ответил молодой сержант.

- Так чего вы, собственно, хотите?

Сержант пожал плечами и поглядел на свои руки.

- Я хочу жить без войн. Хочу узнать, что за ночь каким-то образом пушки во всем мире превратились в ржавчину, что бактерии в оболочках бомб стали безвредными, что танки провалились сквозь шоссе и, подобно доисторическим чудовищам, лежат в ямах, заполненных асфальтом. Вот мое желание.

- Это естественное желание каждого из нас, - произнес полковник. - Но сейчас оставьте эти идеалистические разговоры и скажите нам, куда мы должны вас послать. Можете выбрать западный или северный округ. - Он постучал пальцем по карте, разложенной на столе.

Сержант продолжал говорить, шевеля руками, приподнимая их и разглядывая пальцы:

- Что делали бы вы, начальство, что делали бы мы, солдаты, что делал бы весь мир, если бы все мы завтра проснулись и пушки стали бы ненужными?

Полковнику было теперь ясно, что с сержантом нужно обращаться осторожно. Он спокойно улыбнулся.

- Это интересный вопрос. Я люблю поболтать о таких теориях. По-моему, тогда возникла бы настоящая паника. Каждый народ подумал бы, что он один во всем мире лишился оружия, и обвинил бы в этом несчастье своих врагов. Начались бы массовые самоубийства, акции мгновенно упали бы, разыгралось бы множество трагедий.

- А потом? - спросил сержант. - Потом, когда все поняли бы, что это правда, что оружия нет больше ни у кого, что больше никого не нужно бояться, что все мы равны и можем начать жизнь заново... Что было бы тогда?

- Все принялись бы опять поскорее вооружаться.

- А если бы им можно было в этом помешать?

- Тогда стали бы драться кулаками. На границах сходились бы толпы людей, вооруженных боксерскими перчатками со стальными вкладками; отнимите у них перчатки, и они пустят в ход ногти и зубы, и ноги. Запретите им и это, и они станут плевать друг в друга. А если вырезать им языки и заткнуть рты, они наполнят воздух такой ненавистью, что птицы попадают мертвыми с телеграфных проводов и все мухи и комары осыплются на землю.

- Значит вы думаете, что в этом вообще не было бы смысла? - продолжал сержант.

- Конечно, не было бы! Ведь это все равно, что черепаху вытащить из панциря. Цивилизация задохнулась бы и умерла от шока.

Молодой человек покачал головой.

- Вы просто хотите убедить себя и меня, ведь работа у вас спокойная и удобная.

- Пусть даже это на девяносто процентов цинизм и только на десять разумная оценка положения. Бросьте вы свою ржавчину и забудьте о ней.

Сержант быстро поднял голову.

- Откуда вы знаете, что она у меня есть?

- Что у вас есть?

- Ну, эта ржавчина.

- О чем вы говорите?

- Вы знаете, что я могу это сделать. Если бы я захотел, я мог бы начать сегодня же.

Полковник засмеялся:

- Я думаю, вы шутите?

- Нет, я говорю вполне серьезно. Я давно уже хотел поговорить с вами. Я рад, что вы сами позвали меня. Я работаю над этим изобретением уже довольно давно. Мечтал о нем целые годы. Оно основано на строении определенных атомов. Если бы вы изучали их, вы бы знали, что атомы оружейной стали расположены в определенном порядке. Я искал фактор, который нарушил бы их равновесие. Может быть, вы знаете, что я изучал физику и металлургию... Мне пришло в голову, что в воздухе всегда присутствует вещество, вызывающее ржавчину: водяной пар. Нужно было найти способ вызывать у стали "нервный шок". И тогда водяные пары принялись бы за свое дело. Разумеется, я имею в виду не всякий металлический предмет. Наша цивилизация основана на стали, и большинство ее творений мне не хотелось бы разрушать. Я хотел бы вывести из строя пушки, ружья, снаряды, танки, боевые самолеты, военные корабли. Если бы понадобилось, я бы заставил свой прибор действовать на медь, бронзу, алюминий.

Попросту прошел бы около любого оружия, и этого было бы довольно, чтобы оно рассыпалось в прах.

Полковник наклонился над столом и некоторое время разглядывал сержанта. Потом вынул из кармана авторучку с колпачком из ружейного патрона и начал заполнять бланк.

- Я хочу, чтобы сегодня после полудня вы сходили к доктору Мэтьюзу. Пусть он обследует вас. Я не хочу сказать, что вы серьезно больны, но мне кажется, что врачебная помощь вам необходима.

- Вы думаете, я обманываю вас, - произнес сержант. - Нет, я говорю правду. Мой прибор так мал, что поместился бы в спичечной коробке. Радиус его действия - девятьсот миль. Я мог бы вам настроить его на определенный вид стали и за несколько дней объехать всю Америку. Остальные государства не могли бы воспользоваться этим, так как я уничтожил бы любую военную технику, посланную против нас. Потом я уехал бы в Европу. За один месяц я избавил бы мир от страшилища войны. Не знаю в точности, как мне удалось это изобретение. Оно просто невероятно. Совершенно так же невероятно, как атомная бомба. Вот уже месяц я жду и размышляю. Я тоже думал о том, что случится, если сорвать панцирь с черепахи, как вы выразились. А теперь я решил. Беседа с вами помогла мне выяснить все, что нужно. Когда-то никто не представлял себе летательных машин, никто не думал, что атом может быть губительным оружием, и многие сомневаются в том, что когда-нибудь на земле воцарится мир. Но мир воцарится, уверяю вас.

- Этот бланк вы отдадите доктору Мэтьюзу, - подчеркнуто произнес полковник.

Сержант встал.

- Значит, вы не отправите меня в другой военный округ?

- Нет, пока нет. Пусть решает доктор Мэтьюз.

- Я уже решил, - сказал молодой человек. - Через несколько минут я уйду из лагеря. У меня отпускная. Спасибо за то, что вы потратили на меня столько драгоценного времени.

- Послушайте, сержант, не принимайте этого так близко к сердцу. Вам не нужно уходить. Никто вас не обидит.

- Это верно, потому что никто мне не поверит. Прощайте. - Сержант открыл дверь канцелярии и вышел.

Дверь закрылась, и полковник остался один. С минуту он стоял в нерешительности. Потом вздохнул и провел ладонью по лицу. Зазвонил телефон. Полковник рассеянно взял трубку.

- Это вы, доктор? Я хочу поговорить с вами. Да, я послал его к вам. Посмотрите, в чем тут дело, почему он так ведет себя. Как вы думаете, доктор? Вероятно, ему нужно немного отдохнуть, у него

странные иллюзии. Да, да, неприятно. По-моему, сказались шестнадцать лет войны.

Голос в трубке отвечал ему. Полковник слушал и кивал головой.

- Минутку, я запишу... - Он поискал свою авторучку. - Подождите у телефона, пожалуйста. Я ищу кое-что...

Он ощупал карманы.

- Ручка только что была тут. Подождите...

Он отложил трубку, оглядел стол, посмотрел в ящик. Потом окаменел. Медленно сунул руку в карман и пошарил в нем. Двумя пальцами вытащил щепотку чего-то. На промокательную бумагу на столе высыпалось немного желтовато-красной ржавчины.

Некоторое время полковник сидел, глядя перед собой. Потом взял телефонную трубку.

- Мэтьюз, - сказал он, - положите трубку. - Он услышал щелчок и набрал другой номер. - Алло, часовой! Каждую минуту мимо вас может пройти человек, которого вы, наверное, знаете: Холлис. Остановите его. Если понадобится, застрелите его, ни о чем не спрашивая, убейте этого негодяя, поняли? Говорит полковник. Да... убейте его... вы слышите?

- Но... простите... - возразил удивленный голос на другом конце провода, - я не могу... просто не могу!

- Что вы хотите сказать, черт побори? Как так не можете?

- Потому что... - голос прервался. В трубке слышалось взволнованное дыхание часового. Полковник потряс трубкой.

- Внимание, к оружию!

- Я никого не смогу застрелить, - ответил часовой.

Полковник тяжело сел и с полминуты задыхался и жмурился. Он ничего не видел и не слышал, но он знал, что там, за этими стенами, ангары превращаются в мягкую красную ржавчину, что самолеты рассыпаются в бурую уносимую ветерком пыль, что танки медленно погружаются в расплавленный асфальт дорог, как доисторические чудовища некогда проваливались в асфальтовые ямы - именно так, как говорил этот молодой человек. Грузовики превращаются в облачка оранжевой краски, и от них остаются только резиновые шины, бесцельно катящиеся по дорогам.

- Сэр... - заговорил часовой, видевший все это. - Клянусь вам...

- Слушайте, слушайте меня! - закричал полковник. - Идите за ним, задержите его руками, задушите его, бейте кулаками, ногами, забейте насмерть, но вы должны остановить его! Я сейчас буду у вас! - и он бросил трубку.

По привычке он выдвинул нижний ящик стола, чтобы взять револьвер. Кожаная кобура была наполнена бурой ржавчиной.

Он с проклятием отскочил от стола.

Пробегая по канцелярии, он схватил стул. "Деревянный, - подумалось ему, - старое доброе дерево, старый добрый бук". Дважды ударил им о стену и разломал. Потом схватил одну из ножек, крепко сжал в кулаке. Он был почти лиловым от гнева и ловил воздух раскрытым ртом. Для пробы сильно ударил ножкой стула себя по руке.

- Годится, черт побери! - крикнул он. С диким воплем он выбежал и хлопнул дверью.